

чеканки пантикопейской монеты (VI в. до н. э., одновременно с началом чеканки монеты в Синопе и Аполлонии) и кончая 332 г. н. э. Глава эта сама распадается на семь разделов, каждый из которых полон глубоких наблюдений автора над спецификой боспорского монетного дела и денежного обращения. Здесь и начальный период, когда пантикопейские монеты носят наиболее архаический характер, с вдавленным квадратом на оборотной стороне, и когда и в типах их (грубое изображение львиной головы — Милет!), и в их весовой системе проявляется сильное ионийское влияние. Затем — период от Левкона I, т. е. время экономического подъема, когда Боспор даже раньше Македонии приступил к выпуску золотой монеты (это устанавливает А. Н. Зограф, опровергая Реглиинга и других западноевропейских нумизматов), приоравливая стоимость боспорских «золотых» к кизикинским электронным статерам (стр. 173 сл.), и время наступающего кризиса (с половины III в. до н. э.), когда лисимаховские статеры вытесняют боспорскую золотую монету, возобновляется чеканка серебра и, в связи с ослаблением центральной власти, появляются монеты отдельных городов Боспорского царства —Фанагории, Горгиопии и др. Особый интерес для историка представляют разделы, посвященные монетам с именами царей Спартокидов, Митридата, Асаundra, Динами, а также монетам периода Римской империи.

В заключении следут сказать, как, впрочем, отмечалось уже и выше, что выход в свет рецензируемой книги отвечает самым насущным потребностям советской науки.

Проф. В. Н. Дьяков

Н. А. МАШКИН. История древнего Рима. М., Госполитиздат, 1949¹.

Советская историческая наука за истекшие годы проделала большую работу в области древней истории. Нашими учеными много сделано в области изучения социально-экономического строя и классовой борьбы в древнем мире. Советские историки много поработали над разоблачением расистской сущности всякого рода «теорий» об «исторических» и «неисторических» народах; в нашей науке раскритикованы реакционные модернистские концепции, например, о капитализме в древности, и пессимистические теории «циклов» в исторических судьбах человечества с фаталистическими выводами о бесполезности борьбы за прогресс.

Но советские историки не могут и не должны ограничиваться только критикой буржуазных концепций. Эту работу необходимо подкрепить положительными исследованиями, воссоздавая исторический процесс таким, каким он был в действительности, помня, что, по выражению товарища Сталина, историю нельзя ни «улучшать», ни «ухудшать». Необходимо переосмыслить конкретные исторические данные с позиций истинной науки, надо кардинально пересмотреть многое из того, что накопила историческая наука о древности за последние 150 лет. Речь идет, в частности, об окончательном вытеснении распространенных концепций моммвено-бисмарковской «школы» с ее культом силы, с ее преклонением перед очередным победителем, с ее превознощением теории и практики цезаризма. Необходимо вести борьбу с современной буржуазной, особенно англо-американской, историографией, пытающейся найти в истории древности нужные ей положения о необходимости победы «сил порядка». Носителем этих «сил», в частности, представляется древний Рим в его взаимоотношениях с другими «анархическими», «изжившими себя» народами и государствами. В качестве таких начинают в этом случае изображать страны, охваченные демократическими движениями, восстаниями рабов. Реакционные историки отсюда делают вывод про домо sua о роли таких же «сил порядка» и в современности. В частности, государственные

¹ Статья П. Н. Таркова печатается в порядке обсуждения учебников по древней истории. См. передовую статью в ВДИ, № 3 за 1949 год, стр. 6.

деятели США выдвигают положение о том, что *Pax Romana* должен служить образцом для *Pax Americana*.

Естественно, что все это должно пойти должный отпор в нашей работе. Речь идет о громадной исследовательской и преподавательской работе, чтобы вытеснить из сознания некоторых кругов нашей интеллигенции представления, навеянные чуждыми установками. Только таким путем можно доказать, что степень актуальности изучения истории отнюдь не связана со временем изучаемых событий и что изучение древней истории имеет громадную организующую силу и в наше время.

Такими и только такими должны быть наши требования к книгам по древней истории, в частности и к учебнику Н. А. Машкина. Рецензируемая книга является одним из лучших учебников. Автор вложил много труда в ее составление. Нет смысла повторять все положительные характеристики, которые были даны по адресу как первого, так и второго издания этой книги. В учебнике освещены почти все необходимые для студента источниковедческие и историографические вопросы. Здесь поднято из забвения много имен наших отечественных историков древности. Благодаря большой и кропотливой работе автора, мы теперь лучше вооружены для доказательства приоритета нашей отечественной науки по ряду вопросов древней истории. Благодарные памяти Н. А. Машкина, мы обязаны подхватить это начинание и продолжить его работу по изучению историографии. Труды русских историков XIX в. разбросаны часто по разным журналам и незаслуженно забыты. В частности, настоятельно необходимо изучить и использовать положительные достижения демократического направления отечественной историографии древности.

Только недоразумением надо считать обвинение Н. А. Машкина в гиперкритицизме или, наоборот, в фидеизме по отношению к античной традиции. Покойный принадлежал к тому отряду советских историков, которые круто порвали с гиперкритицизмом, своим буржуазной историографии, с ее отказом считаться с данными источником. Он вполне последовательно выступает против гиперкритицизма, например, Паиса (стр. 56, 126) и бережно относится к традиции древних, например, о роли латинских городов (стр. 122). Он часто оговаривается, что то или иное событие «приписывается» традицией определенному времени, являясь, очевидно, отражением реальных событий, например легенда о похищении сабинянок (стр. 104—105). Хотелось бы только более последовательного изложения реальных моментов в традиции.

Очень удачно изложены отделы и параграфы так называемых реалий. Особенно четка в этом отношении глава IX. Убеждающие использованы выдержки из древних авторов и данные эпиграфики (стр. 248, 510, 596 и др.). К сожалению, в этом отношении автор проявил излишнюю склонность. Между тем, например, использование данных того же Аппиана, которого так высоко ценили классики марксизма, дало бы прекрасный и убедительный материал, в частности и по такому запутанному и запутываемому вопросу, как характер борьбы патрициев и плебеев в древнем Риме. В самом деле, разве цитата о войске из плебеев, которое не повиновалось своему полководцу, о том, что солдаты симулировали ранения, снимали палатки, — разве эти сообщения, датируемые 469 г. до н. э., не дают достаточно материала об ожесточенности борьбы между этими группами населения древнего Рима?

Пенны и многие отдельные положения Н. А. Машкина. К таковым следует отнести его мысль, что «рост крупных владений вел к распространению экспенсивных форм эксплуатации поместий» (стр. 287). Плодотворно замечание, что восстание Спартака повело к дроблению крупных имений на мелкие участки и сдаче их в аренду колонам (стр. 302). Интересна сделанная, правда, с оговорками, реабилитация Клодия на основании его законодательной деятельности (стр. 326). До сих пор этому народному трибуну не везло в историографии вопроса: его изображали как беспринципного клеврста Цезаря, и личность последнего как-то заслоняла Клодия.

Однако из всего сказанного совсем еще не следует, что книга Н. А. Машкина безусловно во всех ее частях. Желание видеть ее улучшенной в новых изданиях вызывает ряд замечаний как методологического, так и методического характера. Автор правильно пишет о необходимости разоблачать фальсификацию истории древнего Рима

(стр. 67). Но в тексте учебника он иногда не дает нужного изложения затрагиваемых проблем, ограничивается констатацией фактов, иногда делая неверные или нечеткие выводы или выдвигая противоречивые положения. Думается, что в интересах улучшения книги об этом нужно говорить гораздо подробнее, чем о бесспорных ее достоинствах.

Часто в качестве действующих мотивов выдвигается вопрос о клиентских и семейных связях, а не о классовой борьбе. Говоря, например, о Цезаре, автор пишет, что для него «поддержка римского плебса не могла быть прочной и достаточной, тем более что и противники Цезаря имели среди плебеев многочисленных клиентов» (стр. 351). Разве по этой линиишел водораздел в политической и социальной борьбе развитого рабовладельческого общества, каковым был Рим в конце республики? Говоря об ожесточенных актах классовой борьбы в период второго триумвирата, сообщая об обращении триумвиров с призывом к рабам доносить на своих господ, автор пишет, что этим «подрывался авторитет отца семейства» (стр. 365). Разве в этом было дело? Да и о каком авторитете отца семейств можно было бы говорить в это время? Здесь и подрывать было нечего, так как и авторитета такого не было. Сам же Н. А. Машкин несколько ниже пишет об этом, как об идеале, далеком от действительности, как об анахронизме в эпоху Августа (стр. 375, 376, 391), но в то же время продолжает настаивать, что «в рабовладельческом обществе семья была основной ячейкой социальной жизни. Укрепление ее означало в то же самое время укрепление традиционных общественных устоев» (стр. 400). Здесь автор явно преувеличивает роль семьи для развитого рабовладельческого общества.

Увлечение формальной, юридической стороной римской жизни, черезсур подробный анализ таких понятий, как *auctoritas*, *pietas* и т. п., в ущерб вскрытию действительных пружин римской жизни, приводят к тому, что вне зависимости от субъективных намерений автора он не дает достаточного анализа ожесточенной классовой борьбы в Риме. Классовая сущность власти Цезаря оказалась нераскрытым. Автор пишет о «лавировании» Цезаря между борющимися социальными силами (стр. 354). Трудно, вопреки рецензиям на книгу Н. А. Машкина, помещенным в ВДИ, № 1 за 1951 г. и ВВШ, № 1 за тот же год, считать это плюсом в концепции автора. Надо согласиться с самим Н. А. Машкиным, что проблема цезаризма все еще остается неразрешенной, о чем он сам и пишет: «установление социальной сущности цезаризма является одной из задач советской историографии» (стр. 359).

Не содействовала правильному изложению проблемы и трактовка вопроса об армии. Армия, например, в период гражданской войны выглядит как какой-то в неклассовый институт, только как орудие в руках очередного честолюбца. Вместо того чтобы говорить о воинственности «плебейской массы», которая еще в III в. до н. э. была настроена «более агрессивно, чем сенаторское сословие» (стр. 155), автору следовало бы указать, что эту массу пытались натравливать высшие классы, эти предшественники современных «геополитиков», переключавшие ее на путь внешних завоеваний. Поэтому нет никаких оснований обвинять плебс в агрессивности. Даже позже этот плебс в легионах не хотел быть послушным орудием в руках правящего класса. Факты усмирения легионеров под Нуманцией, под Карфагеном — все это явления одного порядка. К сожалению, автор остановил свое внимание на том, что Сципион Эмилиан, став во главе римской армии под Карфагеном, «прежде всего укрепил дисциплину в войсках» (стр. 202). Между тем, если бы Н. А. Машкин развел свое же положение о том, что в это время «солдат думал не о войнах и заговорениях» (стр. 200) и что его, как вчерашнего крестьянина, больше всего беспокоило разорение собственного хозяйства, то, вероятно, исправил бы свое предыдущее утверждение об агрессивности римского плебса.

Несомненно, что римскую армию III в. н. э. нельзя считать только деклассированной массой. Вместо того чтобы подчеркивать «насилия» солдат (стр. 584), автору следовало бы более четко указать на социальный характер и состав армии. Иначе Н. А. Машкин вступает в противоречие с фактами, им же самим приводимыми, так как в действительности, например, «галльский узурпатор Тетрик (конец III в. н. э.—П. Т.) под влиянием нарастающего массового движения, опасаясь мятежных солдат, восстав-

ших крестьян и рабов, перешел на сторону Аврелиана» (стр. 580). Этими «инсургентами» были знаменитые багауды, «к которым присоединились солдаты узурпатора Тетрика» (стр. 588). Между тем сама по себе борьба солдат как раз и была проявлением вековой распри мелкого и крупного землевладения.

Нечетко изложены в учебнике и вопросы, связанные с ростом могущества Рима. По сути дела, кроме общего декларативного заявления о незакономерности претензий современных фашистов на наследство древнего Рима (стр. 67), в книге не разоблачена сущность пресловутой Pax Romana.

Преувеличением влияния Рима страдает характеристика договора Рима с Карфагеном в 348 г. По мнению автора, этот договор свидетельствует о том, что «в середине IV в. Рим представлял собою сильнейшее государство Лация» (стр. 136). Между тем анализ договора говорит об очень неприглядной роли молодого рабовладельческого государства. Согласно договору, карфагеняне могли полностью распоряжаться в Лации, вывозя оттуда всякого рода ценности, в том числе и свободных людей. Эти грабежи и разрушения — плата Карфагену за услуги Риму в борьбе против народов Лации.

Слишком рано автор приписывает также Риму и использование пресловутого правила *divide et impera* в дипломатической борьбе со старыми рабовладельческими государствами, благодаря чему он будто бы одерживал победы, ссоря своих противников (стр. 143). Это — легенда, которую пора бы уже сдать в архив.

Особенно противоречивы, а потому и неубедительны, главы X—XII, посвященные «превращению Рима в сильнейшее государство Средиземноморья». Здесь весьма снижена роль тех сил, которые, используя события I и II Пунических войн, боролись за самостоятельное политическое существование. В частности, недооценена роль западных греков и народностей всего западного Средиземноморья.

Неверно освещена в книге политика сиракузского царя (а не тирана, как его называет автор, стр. 167) Гиерона II. Не об отказе от широких завоевательных целей надо было бы писать применительно к его политике, а о последовательно проводимой политике равновесия сил. Гиерон II стремился провести в жизнь правило «не дать сильному усилиться» (Полиб., I, 83, 4). Соответственно этому он вел и мирные переговоры после I Пунической войны, считая, что «спасение Карфагена выгодно и для его власти в Сицилии и для дружбы с римлянами» (там же, 2—3).

Между тем, недооценив всю сложность международной обстановки того периода, автор готов преувеличить возможности Рима того времени, его социальную и политическую зрелость, утверждая, в частности, что неудачи, постигшие Рим после побед Регула в Африке, были следствием того, что римский главнокомандующий во время переговоров «поставил такие условия, что карфагеняне решили продолжать войну» (стр. 170). В действительности же причины поражения Регула были совсем иные. Не сказать ничего о стремлении солдат и самого полководца домой, об отсутствии профессиональной армии у молодого рабовладельческого Рима — значит не объяснить читателям причин затяжки войны.

Характерно отсутствие социального материала и в параграфе о восстании местного ливийского населения и карфагенских наемников в 241—238 гг. Одно перечисление противоречий между борющимися силами (стр. 171) не раскрывает сущности этой народно-освободительной войны, которая, по свидетельству даже Полибия, человека, настроенного резко враждебно к народным движениям, была вызвана тем, что карфагеняне «проявляли большую суворость в управлении ливийскими народами» (I, 72, 1), вследствие чего и началась эта «еще более опасная война», чем только что закончившаяся I Пуническая война. Неверно и утверждение о нейтралитете Рима. Рабовладельческий Рим, как и современные его последователи, был далек от нейтралитета в народно-освободительной борьбе. Ввиду того что в стане борющихся с карфагенскими рабовладельцами находились и недовольные Римом италики, римские рабовладельцы опасались, что победа восставших в Африке привела бы к аналогичной борьбе и в Италии. Рабовладельцы Рима поэтому были далеки от нейтралитета: «они внушили торговым людям снабжать карфагенян нужными предметами, напротив, воспретив сопротивления с врагами их» (Полиб., I, 83, 10).

Преувеличено значение Рима также в изложении последующих событий. Рим, вопреки автору, не мог имевшись в дела греческих городов в ходе Иллирийских войн. В те годы его отношения, в частности, с городами иллирийского побережья, строились еще в меру его ограниченных возможностей. В основном эти отношения складывались, употребляя терминологию Полибия, по нормам φιλία. Здесь, на берегах Адриатики, шла такая же борьба за самостоятельность, как и в остальном Средиземноморье. Поэтому и Деметрий Фаросский отнюдь не был и не мог быть «восставшим» против Рима, как пишет автор (стр. 173), недооценивая тем самым самостоятельную роль этих областей древнего мира, расположенных на стыке между греко-эллинистическим миром и Римом.

Ряд возражений вызывает и характер изложения событий II Пуннической войны. Они тоже изложены с римской точки зрения, в связи с чем многие вопросы остаются без объяснения. Разве можно, например, объяснять совершенно немотивированным для 216 г. ослаблением карфагенян (это на другой-то день после Канинского разгрома римлян и раскола в Италии! — *П. Т.*) попытки Ганнибала заключить мир с Римом? Не только «антиримскими», как их квалифицирует автор, были и настроения и действия союзнической периферии Рима, да и действия греческих и эллинистических соседей. Не только за Ганнибала, да еще «активно», боролись, например, те же бруттии, как это, в духе общепринятой точки зрения, но вопреки данным источников, утверждает автор (стр. 182). Бруттии, имеющие свое собственное войско, разрешали свои особые задачи в войне, например, в виде осады греческого города Кротона; они даже склонны были и самих карфагенян считать своими «помощниками в войне» (Ливий, XXIII, 30; XXIV, 2; XXVII, 15). Это был период роста массовых местных движений, связанных с войной. Здесь-то и уместно было показать борьбу самих народов, творцов истории, не ограничиваясь иногда даже чересчур подробным описанием отдельных сражений.

Иначе, очевидно, должно при таком подходе к материалу выглядеть и изложение отношений между Ганнибалом и Филиппом V. Не придавая этому, видимо, большого значения, автор даже не привел даты договора между ними. Но зато совершенно неоправданно он выдвинул утверждение о том, что «после поражения при Канинах... основное внимание и силы римлян поглощало ведение военных операций вне Италии» (стр. 183). Речь идет, повидимому, о так называемой I Македонской войне, из параграфа о которой взята данная цитата. Это неверно: Ливий точно сообщает, что из 23 легионов, которыми в то время располагал Рим, только один легион (да и то на незначительное время) был послан в Грецию на помощь этолийцам. То же следует сказать и о событиях после II Пуннической войны, о борьбе за гегемонию в Элладе, претендентами на которую тогда выступали Македония и Сирия.

В эту борьбу с очень соблазнительным лозунгом «освобождения эллинов» вмешались римляне, поскольку тогда греческий мир действительно пытался отвоевать политическую независимость, используя борьбу эллинистических монархов; одновременно римляне стремились подавить революционные движения рабов и свободной бедноты.

К сожалению, всего этого нет на страницах рецензируемой книги. Даже упоминание об «оборотной» стороне свободы (стр. 193), в результате II Македонской войны, в этом смысле ничего не дает, так как автор не изложил ее «лицевой» стороны, т. е. ничего не сказал о борьбе за политическую и социальную свободу широких масс Греции и всего Средиземноморья в тот период времени. Скорее наоборот, автор затушевал эту борьбу, поскольку он, например, пишет, что представителю этой истинно демократической Греции, Набису Спартанскому, была объявлена война «от имени всех греков» (стр. 193). Эти «все» как раз и были теми, кто вынудил римлян очистить Грецию в 194 г., факт, оставленный в книге совершенно без мотивировки. Забыть об этом — значит либо совершенно не объяснить, почему же в Греции «наступило разочарование в освободительной политике Рима» (стр. 194), либо спасти его только к недовольству этолийцев, якобы за «малое вознаграждение» их участия во II Македонской войне.

В изложении этого раздела автор, по сути дела, свел вопрос только к моммзеновской точке зрения о неумении греков жить в мире, о «благе» римских завоеваний, как

торжестве «порядка в беспорядке». Тем самым не была подведена база и под будущий Pax Romana, об иссушающем влиянии которого имеется достаточно большое количество исчерпывающих характеристик в работах классиков марксизма.

Поэтому временами Pax Romana получает излишне мягкую и даже противоречивую характеристику в учебнике. Н. А. Машкин пишет лишь о «суворой опеке», в которую перешло покровительство римлян грекам (стр. 196). Его положение о том, что «Август дал внутренний мир римскому обществу» (стр. 397), резко противоречит им же самим приведенным фактам, свидетельствующим о том, что этот «мир» далеко не был таким спокойным. Постоянные волнения рабов, угроза насилиственной смерти для рабовладельцев от руки рабов (стр. 401), опасность даже массовых волнений — все это не вяжется с приведенными выше положениями о Pax Romana.

Вопрос о противоречивых положениях учебника может быть решен очень просто: ведь время установления господства Рима, а также переход к военной диктатуре рабовладельцев, были не только изживанием очередного кризиса (стр. 402), но и созданием предпосылок для более грозных классовых битв будущего. По этой линии, очевидно, и надо было вести анализ конкретного исторического материала. Иначе могло получиться только объективистское 'изложение исторических данных'.

При диалектическом подходе и анализе, конечно, не выглядело бы таким идеалистическим, как теперь (стр. 491), например, изображение жизни Рима в период Антонинов. Автору следовало говорить не столько о «процветании» Рима, сколько о восстаниях против римского могущества, о вторжениях варваров и т. п. Иначе не особенно искушенный читатель, а в основном это — студенты первых курсов, на которых прежде всего и рассчитана книга Н. А. Машкина, — не поймет, почему «во II веке Римская империя достигла кульмиационного пункта своего развития» (стр. 497), в то время как ниже он прочтет цитату из Энгельса, что в Риме в это время применялись «...все сильнее действующие и все туже завинчиваемые тиски налога в пользу государственной казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно» (стр. 544).

Видимо, иной была бы и характеристика взаимоотношений «варварского» мира и мира рабовладельцев. Сейчас эта борьба излагается в учебнике с «римских позиций». Например, драматические революционные события в Причерноморье во II в. оцениваются не как попытки рабовладельцев Греции закрепиться на нашем Юге в борьбе со скифами и вообще с местными народами, а только как удача полководца Митридата, которому удалось оттеснить от Херсонеса скифов» (стр. 273).

Помимо субъективных намерений и вопреки данным источников, свидетельствующих о варварском отношении Рима к своим соседям, автор невольно оправдывает политику Рима, говоря, что «римляне заботились не столько о завоевании...» (стр. 259). Переформулировки требует и утверждение о том, что «представители новой знати (в эпоху империи.— П. Т.) иначе относились к своим обязанностям, чем старые аристократы, которым еще не чужд был взгляд на провинции, как на добычу римского народа» (стр. 473).

Нельзя согласиться с заявлением, что «многие ветераны не склонные к тяжелому сельскому труду, продавали участки» (стр. 366). Здесь следовало сказать прежде всего о конкуренции рабского труда, как это правильно было сделано по адресу плебса (стр. 317). Кстати говоря, в таком одностороннем понимании процесса разорения ветеранов коренится нечеткость изложения вопроса о так называемом заговоре Катилины. В нашей историографии стало почти правилом принимать за чистую монету инвективы источников, враждебных движению катилинариев, и строить весь процесс по биографическим данным самого Катилины. Между тем среди этих «промотавшихся» сулланцев были, очевидно, не только разорившиеся нобили и жаждавшие власти сенаторы. О движении Катилины, как о массовом, пишет в заключении и сам автор, хотя несколько выше он писал, что опорой Катилины были только эти группы нобилей.

Слишком много морализаторства и в рассказах о террористической политике императоров; здесь мало сказать о существе и характере борьбы императоров с крупным сенаторским землевладением. Автор очень часто пишет о сенаторской оппозиции (стр.

492, 518, 574 и др.). В борьбе императоров с сенаторами или в примирении с ними он видит как бы основную тенденцию эпохи. Но ведь дело-то было не в том, что тот или иной император становился сам «крупнейшим землевладельцем» (стр. 450). Ведь и сенаторы со временем по своему составу стали иными. Какие же «староримские начала» могли сохраниться в новом Риме (стр. 529)? Ведь и сами сенаторы были в какой-то части потомками вольноотпущенников, что признает и сам автор (стр. 527 и 528), говоря о всадничестве как супени к сенаторству и установив перед этим, что «во многих случаях» всадниками становились вольноотпущенники (стр. 526—527).

Ведущая тенденция эпохи заключалась вовсе не в борьбе за «староримские начала и идеалы». Ведь императорские сальтусы были средством размещения мелких земледельцев. Тиберий и Нерон были не только чудовищами жестокости. Сводить их деятельность только к их резко отрицательным личным качествам у нас нет никаких оснований. Тенденцией эпохи был рост мелкого землевладения и земледелия, рост количества участков ветеранов, развитие колонатных отношений, т. е. та сумма мероприятий, которую и осуществляли императоры. Это было хорошо понято Колумеллой, писавшим в виде упрека своим современникам: «обработку земли мы предоставили худшим рабам, словно отдав ее в наказание палачу». Эту мысль древнего автора и нужно было развить, а не убирать ее в петит (стр. 463). Поэтому же неоправдан и анахронистически для этой эпохи выглядит и заголовок в учебнике о «Горжестве крупного землевладения» (стр. 466). Он был преувеличением даже для времени Суллы, когда началась практика наделения землей ветеранов. И уже, конечно, поселение варваров-федераторов и раздел земель на мелкие участки должны были краем образом изменить картину, нарисованную на основании пресловутых алиментарных таблиц, на которые ссылается автор для доказательства роста именно крупного землевладения (стр. 500).

Остается сделать еще несколько частных замечаний по поводу этой фундаментальной книги. Хотелось бы, чтобы в последующих изданиях была устранена характеристика сенаторской знати как родовой в отличие от денежной—всадников (стр. 5). Слишком упрощена характеристика Полибия (стр. 14—15). На его построения повлияло не знакомство с римской аристократией, а более существенные причины. Гораздо сложнее стоит и вопрос об отношении Полибия к демократии: в том-то и дело, что он считал сам себя и людей родственных ему взглядов представителями демократии, в его терминологии «истинной демократии», и резко отрицательно относился к демократии низов, к движениям широких народных масс.

Патриции и плебеи «противостояли друг другу как обособленные группы» не только «до той политической революции, которую традиция приписывает... Сервию Туллию» (стр. 113), но и значительно позже. Иначе не было бы вековой борьбы между ними. В изложение этого вопроса необходимо внести вообще больше ясности, так как последние разноречивые рецензии на учебник Н. А. Машкина также не разрешили этот вопрос. Думается, что ответ здесь надо искать по пути разграничения политической борьбы за власть, которую вели все плебеи против патрициев, объективно в интересах плебейской верхушки, и борьбы классовой, которую на протяжении всей истории Рима ведет масса плебейства, его неимущие слои в раннее время с патрициями, а в последующем с нобилитетом, т. е. также и с богатыми плебеями. Противопоставлять патрициев и плебеев из «Коммунистического манифеста» мастерам и подмастерьям из того же документа и на этом основании отрицать антагонистический характер борьбы тех и других (ВДИ, 1951, № 1, стр. 274), конечно, нельзя. Ведь и мастер рисуется Марксом в историческом плане как будущий капиталист, а подмастерье — как пролетарий. Кроме того, Маркс прямо говорит: «В различных местах „Капитала“ я упоминал о судьбе, постигшей плебеев древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отдало их от их средств производства и существования, влекло с собою не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в одно прекрасное утро оказались на одной стороне налицо свободные люди, лишенные всего, кроме их (личной) рабочей силы, а на другой сто-

роне для эксплоатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств»¹. Совершенно очевидно, что в этом контексте Маркс говорит о плебеях, о массе плебейства, как об антагонистическом классе по отношению к «владельцам всех приобретенных богатств».

Никак поэтому нельзя согласиться с кафедрой древней истории МГУ, утверждающей, что ни один марксист не может рассматривать «патрициев и плебеев как антагонистические классы» (ВВШ, № 1 за 1951 г.).

Неуместна положительная характеристика заядлого консерватора Метелла, как человека «стойких убеждений» (стр. 261, 267). К чему это? Совсем не из человеколюбивых побуждений ополчились и всадники на Югурту, этого ученика Сципиона Младшего (стр. 260). Характеристика Югурты вообще дана в чересчур морализаторском плане, и в то же время нет ответа на вопрос, почему же его поддерживали африканские племена. Не раскрыты в учебнике причины единодушия римлян из разных политических партий против восставших италиков (стр. 271). Не уточнен также вопрос о суверенитете народа при Гае Гракче, что было более важно, чем приводить слашавую легенду о рабе, который не мог перенести смерти своего господина (стр. 256).

Бряд ли следовало так выпичивать материал об Иудее (стр. 467 и сл.). Думается, что история ее имела слишком локальный характер, и отводить изложению иудейского восстания в три раза больше места, чем восстанию Цивилиса, значит переоценить значение первого и недооценить второе.

Наконец, несколько замечаний общего порядка. Правильная в целом периодизация, данная в учебнике, требует теперь учета замечаний, высказанных товарищем Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания». Периодизацию империи следует начинать с «империи Цезаря». Это, очевидно, будет способствовать и более исчерпывающему изложению вопроса о цезаризме.

Нуждается в гораздо более развернутых пояснениях и обильный нумизматический материал книги. Сейчас это просто иллюстрации, не связанные с текстом, а временами и противоречащие ему. Едва ли не единственными случаями ссылок на нумизматический материал являются упоминание о связях Боспорского царства (стр. 581) и ссылка на легенды монет Константина (стр. 594). И в то же время никак не оговорено вопиющее противоречие между официальными легендами монет правительства и реальной действительностью. Монеты Аврелиана, например, говорят о «согласии воинов», о верности, но в то же время сам Аврелиан падает от руки солдат. Это был бы благодарный материал для указания на расхождение между трескучей официальной фразеологией и подлинной жизнью Рима.

Необходимо провести еще дополнительную работу по распределению материала по шрифтам. В дополнение к уже сделанным замечаниям можно указать на страницы о Монтескье (стр. 41—42). Здесь данный корпусом материал требует обязательного знакомства с предшествующим петитом, т. е. не достигается цель, ради которой материал вообще разбивался на разные шрифты.

Хороший, четкий и доступный язык книги в целом тем более осложняется наличием ряда излишних иностранных слов, часто даже не объясненных. В самом деле, зачем в этой так хорошо изложенной книге такие слова и выражения, как «конфессиональная история христианства» (стр. 42), как «фидеизм историков» (стр. 68), который студент по аналогии может счесть положительным понятием, исходя из понятия *fides* (стр. 108); лишнее также и «процируются» (стр. 224). Термин «конгиарий» встречается на стр. 477, а объяснен лишь на стр. 525; слово «стипуляция» (стр. 628) так и осталось без объяснения.

Отметим также ряд опечаток, искажающих смысл. К таким относятся «этнографические мифы» на стр. 44, указание, что в 310 г. Агафокл Сицилийский овладел в Африке «значительной» территорией, «принадлежавшей Риму» (стр. 167). Как известно, в это время Рим не имел еще заморских владений. На 192 стр. появилась «римская

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 377—378.

эскадра, состоявшая из двух легионов и одной тысячи нумидийских всадников». Известно, что эскадры могут состоять только из кораблей. «Сельскохозяйственные работы носили сезонный характер» не потому, что «невыгодно было содержать рабов круглый год» (стр. 215). «Крестьянское землевладение сохранилось», очевидно, не в «Южной Италии», а в Средней и Северной, иначе не понятно противопоставление крестьянской мелковладельческой Южной Италии латифундиям той же Южной Италии (стр. 258). Алтари строили не Августу, как утверждается на стр. 407, а гению Августа, о чём пишется на стр. 431. Кто же все-таки построил Колизей: Тит (стр. 474) или он же и Домициан (стр. 538)? Надо дать правильные масштабы в клише на стр. 214, иначе грабли выглядят как дамская шпилька рядом с серпом.

Все сделанные замечания преследуют только одну цель: содействовать улучшению этого одного из наиболее добросовестно составленных учебников.

П. Н. Тарков

«ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» под редакцией В. В. Струве, т. I, М., Учпедгиз, 1950, 359 стр., ц. 8 р. 50 к

В издании хрестоматии подобного типа Учпедгиз имеет уже некоторый опыт, так как в 1936 г. была выпущена «Хрестоматия по древней истории» в двух томах, тоже под редакцией акад. В. В. Струве. При составлении рецензируемой хрестоматии этот опыт был учтен, и последняя, несомненно, во многих отношениях лучше старой. Значительно расширен объем хрестоматии; документы, относящиеся к истории стран древнего Востока, заполняют весь I том, что позволило увеличить количество текстов. Кроме того, все документы подобраны по одному принципу — они характеризуют социально-экономическую структуру древневосточных обществ. Памятники религиозного и литературного характера в хрестоматию не вошли. Все переводы либо проверены, либо (в своем большинстве) сделаны заново с изданий подлинных памятников.

Том начинается с предисловия акад. В. В. Струве, которое относится ко всем томам хрестоматии (к вышедшему первому тому истории древнего Востока и будущим томам по истории Греции и Рима). Поэтому академик В. В. Струве останавливается здесь на общих проблемах истории рабовладельческого строя, особенно на специфике рабовладельческих обществ древнего Востока, отличающей раннерабовладельческие государства древнего Востока от развитых рабовладельческих обществ Греции и Рима. «Первобытно-общинный строй, не подвергшийся воздействию более развитого общества, не мог морить в своем развитии рабовладельческого способа производства» (стр. 8), — пишет В. В. Струве, характеризуя древневосточные общества как рабовладельческие и подчеркивая методологическую порочность всяких попыток определять их как феодальные (стр. 8).

Далее акад. В. В. Струве рассматривает две формы эксплуатации, существовавшие в древневосточных деспотиях, по отношению к рабам и по отношению к «землевладельческому населению» сельских общин, игравших такую большую роль и бывших такими устойчивыми в течение почти всей истории стран древнего Востока. Наличие этих двух форм эксплуатации: патриархальной (по отношению к «землевладельческому населению») и рабовладельческой (по отношению к рабам) — создает специфические особенности, которые отличают рабовладельческую структуру древневосточных обществ от классических рабовладельческих обществ Греции и Рима. На основании этого акад. В. В. Струве дает определение древневосточного общества, как «полурабовладельческого-полупатриархального» (стр. 9). И далее, в следующем абзаце, указывает: «Ведущей, прогрессивной на Востоке была тогда, естественно